Изъ жизни императора Николая Павловича.

Прослужа въ войскахъ гвардіи около 20 лѣтъ, изъ коихъ большую часть въ царствованіе государя Николая Павловича, я былъ свидѣтелемъ многаго, достойнаго сообщенія, а многое слышалъ отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Въ печати появляются разсказы, анекдоты изъ жизни незабвеннаго государя Николая, частію небывалые, частію искаженные, такъ нельзя же умолчать и истину, показывающую величіе государя; стоя на краю гроба, мнѣ было бы непростительно унести съ собою нѣкоторыя воспоминанія.

Вотъ что мнѣ передавалъ дядя мой, бывшій тогда командиромъ гвардейскаго полка.

Во время маневровъ близъ Краснаго Села, императоръ Николай Павловичъ принялъ на себя командованіе одной изъ сторонъ маневрировавшихъ. Въ числѣ командуемыхъ имъ войскъ находилась 2-я гвардейская кавалерійская дивизія. Въ разгарѣ боя, государь отдаетъ приказаніе флигель-адъютанту отвезти такое-то приказаніе начальнику этой дивизіи. Тотъ, выслушавъ государя разсѣянно, суетливо, ускакалъ. Начальникъ дивизіи, встрѣчая его, спрашиваетъ: „вѣрно, приказаніе“. А у того, пока ѣхалъ, приказаніе изъ головы выскочило. Начальникъ дивизіи по своему соображенію говоритъ ему: „не то ли приказано сдѣлать?“ Онъ отвѣчаетъ: „да“, такъ какъ ничего не помнилъ. Оказалось, что соображеніе это было совершенно противно тому, что государь прислалъ ему. Императоръ замѣтилъ, что дивизія не исполнила его приказанія и тѣмъ испортила весь маневръ дня. По окончаніи маневровъ государь въ присутствіи всѣхъ начальниковъ

частей дѣлаетъ строгій выговоръ начальнику дивизіи за неисполненіе его приказанія. Но тотъ, видя гнѣвъ государя, не осмѣлился оправдываться, хотя не чувствовалъ за собою вины, ибо исполнилъ только переданное ему адъютантомъ. Окончился маневръ того дня, флигель-адъютантъ, посланный съ приказаніемъ, угрызаемый совѣстью, рѣшается идти къ императору и чистосердечно высказать вину свою, отъ которой понесъ гнѣвъ государя невинный въ томъ генералъ. Николай Павловичъ благодаритъ его за благородное сознаніе своей вины и за то, что далъ ему случай загладить напрасный гнѣвъ свой. При томъ отдаетъ приказаніе, чтобы на другой день, передъ началомъ маневра, собрались къ его ставкѣ всѣ начальники частей. Въ числѣ ихъ утромъ былъ и начальникъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, конечно, сконфуженный и въ ожиданіи еще новыхъ упрековъ за незаслуженную вину. Государь императоръ, выйдя, подзываетъ его и спрашиваетъ мягкимъ голосомъ: „ты спалъ спокойно?“ Тотъ совсѣмъ растерялся и началъ что-то: „ваше величество, я имѣлъ несчастіе“. „Да“, продолжаетъ государь, ты выслушалъ гнѣвъ мой, но ты сознавалъ, что не былъ виноватъ, а я неспокойно спалъ. Флигель-адъютантъ (назвалъ фамилію) благородно и чистосердечно сознался мнѣ, что онъ забылъ мое приказаніе и что ты оттого сдѣлался виноватымъ. Прости меня, все забыто“. Нечего пояснять, какъ поразило и какъ тронуло это всѣхъ присутствующихъ, не говоря уже о самомъ мнимо-виновномъ. Вѣчная, добрая память нашему мудрому царю-рыцарю. Хотя я вполнѣ увѣренъ былъ въ подлинности этого историческаго факта, но все же желательно было услышать отъ кого-нибудь подтвержденіе его, и вотъ недавно, въ домѣ одного пріятеля, я встрѣтилъ генерала, близкаго къ усопшему великому князю Николаю Николаевичу. Зашла рѣчь о прежней службѣ въ гвардіи. Между прочимъ я разсказалъ и это проявленіе великой души государя. При этомъ генералъ сказалъ мнѣ: „все то, что вы сейчасъ намъ говорили, разсказывалъ слово въ слово великій князь, и разсказъ вашъ совершенно вѣренъ“.

Въ старые годы, послѣ лагеря, солдаты гвардейскихъ полковъ отпускались на вольныя работы, съ условіемъ: приносить часть заработныхъ денегъ въ харчевую сумму, остальныя могли употреблять на свои нужды и надобности. Вновь назначенный командиръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, никогда не служившій въ гвардіи, представилъ проектъ не отпускать гвардейскихъ солдатъ на работу, пояснивъ, что стыдно солдату гвардіи русскаго царя пріобрѣтать себѣ деньги работами. Это льстивое выраженіе заинтересовало, и составленъ былъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича изъ дивизіонныхъ и полковыхъ командировъ, для обсу-

жденія такъ этого вопроса, такъ и другихъ предложеній генерала. Командующій въ то время гвардейскою пѣхотою генералъ-адъютантъ Арбузовъ громогласно и рѣзко порицалъ проектъ, почему и не былъ включенъ въ число членовъ комитета.

Хотя большинство членовъ его тоже были противъ проекта, но, видя, что цесаревичъ склоненъ къ принятію его, замалчивали. При началѣ лагеря въ томъ году, состоялся обычный объѣздъ лагеря императоромъ Николаемъ Павловичемъ. До начала зари, онъ вошелъ въ свою палатку, поставленную среди лагеря лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка; вслѣдъ за нимъ вошелъ военный министръ съ портфелью. Нѣсколько минутъ спустя, камердинеръ государя разыскивалъ генерала Арбузова, котораго государь изволилъ требовать. Когда Арбузовъ явился въ палатку, императоръ обратился къ нему со словами: „вотъ военный министръ докладываетъ мнѣ постановленіе комитета, чтобъ не увольнять солдатъ на работы послѣ лагеря. Мнѣ извѣстно, что ты былъ противъ этого. Желаю теперь знать: перемѣнилъ ты мнѣніе, или остаешься съ тѣмъ же“. Арбузовъ рѣшается отвѣтить: „мое мнѣніе, ваше императорское величество, смѣю доложить то, что гвардейскій солдатъ вашъ пришелъ отъ сохи и—уйдетъ къ сохѣ; такъ зачѣмъ же ему отвыкать отъ какого-нибудь болѣе тяжелаго труда. Кромѣ того, изъ заработанныхъ имъ денегъ, улучшалось его продовольствіе, и оставалось ему на свои нужды и надобности, почему они живутъ привольнѣе“. На это государь возразилъ: „такъ ты все-таки при своемъ; этакой упрямый старикъ“. Арбузовъ отвѣчалъ: „я смѣлъ только выразить мнѣніе свое, а затѣмъ будетъ исполнено такъ, какъ изволите приказать“. Послѣ того государь отпустилъ его, но когда онъ дошелъ до дверей палатки, слышитъ голосъ царя: „Алексѣй Ѳедоровичъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, однако знай, что я на тебя не сержусь“. Арбузовъ, поклонившись, отвѣчалъ: „очень счастливъ, ваше величество“. Послѣдствія показали, какъ „упрямый“ старикъ былъ правъ. Полковые командиры стали докладывать, что харчевые суммы истощились, что требуется помощь отъ казны, для улучшенія довольствія. Государь чаще началъ назначать смотры, парады, даруя солдатамъ но рублю; но этотъ рубль шелъ не ему, а въ харчевую сумму записывался. Много лѣтъ спустя, когда Арбузовъ былъ командующимъ войсками, оставшимися для защиты гор. Петербурга во время Крымской войны, государь Александръ Николаевичъ, между прочими разговорами, выразился ему: „да, я вспоминаю, какъ вы были тогда правы, возставая противъ предложенія не работать гвардейскому солдату“.

Вотъ примѣръ его великодушія. Служа старшимъ адъютантомъ въ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, я жилъ на Сергіевской. Однажды

въ зимній вечеръ показалось зарево пожара. Говорятъ, кавалергардскія казармы горятъ. Я немедленно поѣхалъ туда, въ надеждѣ видѣть императора, такъ какъ онъ всегда выѣзжалъ на большіе пожары, или когда горѣли казенныя зданія. Пожарные уже работали на крышѣ конюшенъ. Черезъ нѣсколько времени послышался звучный голосъ императора. Все ожило: пожарные усерднѣе застучали топорами. Явился полковой командиръ, и на вопросъ государя о причинѣ пожара доложилъ: „по винѣ младшаго вахмистра, который сознался и арестованъ". На требованіе государя привести его, предсталъ великанъ въ шинели безъ шапки, съ растеряннымъ лицомъ. „Это ты мнѣ зажегъ казармы?", строго спросилъ государь. „Да яжъ, ваше императорское величество", отвѣчалъ солдатъ. „Разскажи, какъ дѣло было", говоритъ государь. „Оце я повечеръ раздовалъ овесъ конямъ, а тутъ прибигли и кажутъ: старшій вахмистръ зове. Я огарокъ свички притуливъ въ овесъ, что въ мишку, и побигъ. Тамъ тее да сее, пробавился, вернувсь, а въ чуланѣ горитъ, и взойти не можно". Послѣ этого государь сказалъ ему: „ты знаешь, какое наказаніе ты заслуживаешь?" Онъ отвѣчалъ простодушно: „да вжешь, ваше императорское величество, коли виноватъ, то виноватъ, что хотитъ, то и робитъ со мною". При началѣ такого объясненія лицо государя прояснилось, и по временамъ набѣгала улыбка. „Выпустить этого хохла", сказалъ онъ полковому командиру: „и не взыскивать".

Въ 1852 году въ августѣ мѣсяцѣ были обычные маневры гвардіи. Подойдя къ Гатчинѣ, первая гвардейская дивизія, по окончаніи маневра, начавшагося въ 5 часовъ утра, стала на бивуакъ не въ дальнемъ разстояніи отъ дворца. По обыкновенію ставка государя была поставлена на правомъ флангѣ Преображенскаго полка. Я, служа штабъ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, былъ дежурнымъ по дивизіи, почему долженъ былъ ожидать пріѣзда государя въ свою палатку. Тутъ же находился и командиръ л.-гв. Преображенскаго полка генералъ Катенинъ. Положительно было извѣстнымъ, что государь пріѣдетъ въ палатку, но его долго не было. Наконецъ узнали мы, что, по окончаніи маневра, онъ, отпустивъ большую часть свиты, поѣхалъ осматривать выставленные аванпосты. Наконецъ увидѣли приближающагося къ бивуаку государя Николая Павловича; за нимъ уже слѣдовалъ одинъ только рейткнехтъ. Выслушавъ мой рапортъ, онъ всталъ съ лошади видимо до крайности утомленный, ноги были врозь, стоялъ нѣсколько согнувшись. Онъ раза два потянулся, поднявъ руки отъ локтей, и произнесъ: „охъ, усталъ", но затѣмъ, сдвинувъ ноги, выпрямляясь, произнесъ: „ну, да Сашѣ будетъ легко", твердымъ шагомъ пошелъ въ палатку. Тутъ выказалась удивительная сила воли, забота и любовь къ сыну.

Впослѣдствіи мы видѣли, какъ сыну было легко, получивъ наслѣдіе въ дни Севастопольскаго побоища, но надо сознаться, что это тяжкое бремя было все-таки облегчено царемъ Николаемъ: онъ подготовилъ, закалилъ тѣхъ сказочныхъ богатырей, которые своей храбростью и стойкостью въ Севастополѣ удивили весь міръ.

Не лишне здѣсь упомянуть, какъ подготовлялъ государь свои войска къ перенесенію боевыхъ невзгодъ.

Иногда назначались осенніе маневры: грязь, слякоть, дождь съ крупой. Стоятъ полки, усталые отъ перехода, промокшіе, полуголодные, и вотъ показывается величавая фигура императора. Онъ тоже промокъ, доносится его звонкій, симпатичный голосъ, выражающій благодарность и похвалы, и все забыто: нѣтъ усталости, высохли и какъ бы сыты, всѣ вытянулись и готовы въ огонь и воду. Таково было магическое вліяніе его надъ войсками.

Для зажженія минъ, и при другихъ требованіяхъ до 1840 года употреблялся очень неудобный и не всегда вѣрный способъ, почему многіе занимались изысканіемъ лучшаго.

У насъ въ Россіи, какъ извѣстно, еще въ 20-хъ годахъ дѣйств. стат. совѣт. баронъ Шилингъ первый началъ заниматься опытами приспособленія гальванизма къ вожженію минъ. Говорятъ, что опыты были даже удачны, въ нѣкоторой степени, но, какъ онъ не хотѣлъ передавать свой секретъ инженерному вѣдомству, дѣло это заглохло.

Императоръ Николай Павловичъ, въ бытность великимъ княземъ, былъ генералъ-инспекторомъ инженерной части, и очень усердно занимался развитіемъ службы въ саперныхъ батальонахъ и тоже сознавалъ этотъ недостатокъ. Почему, когда огласились важныя открытія академика Якоби, по приспособленію гальванизма, государю пришла мысль приспособить его къ зажженію минъ, для чего повелѣлъ образовать особую команду при лейбъ-гвардіи саперномъ батальонѣ, изъ саперныхъ офицеровъ и части нижнихъ чиновъ, и пригласить академика Якоби совмѣстно съ ними заняться приспособленіемъ гальванизма, что̀ и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, какъ на сушѣ, такъ и на водѣ; подробное изложеніе начала и веденія этого дѣла изложено мною въ „Русскомъ Инвалидѣ", 18-го января 1898 года, а задолго передъ тѣмъ было описано въ „Русскомъ Архивѣ". Безспорно то, что открытіе это по мысли и указанію императора при полномъ, живомъ участіи къ нему, всецѣло составляетъ славу его; можно сказать, только руки его не участвовали въ этомъ, и перешло изъ Россіи во всѣ концы міра для многочисленныхъ потребностей. У насъ оно началось какъ бы незамѣченнымъ и не вполнѣ оцѣнимо, и только возбуждало нѣкоторое любопытство, можетъ быть, потому, что въ началѣ держа-

лось въ большомъ секретѣ; но и когда огласилось, не пользовалось большимъ вниманіемъ.

Во всѣхъ странахъ выдающіяся событія и важныя, полезныя открытія ознаменовываются чѣмъ-нибудь, и въ принятые сроки 25 и 50 лѣтъ гласно приводятся въ память.

Отъ начала этого важнаго открытія прошло уже болѣе 60 лѣтъ, и можно думать, что мало кто знаетъ, кому принадлежитъ слава его.

Не слѣдуетъ ли увѣковѣчить память этого открытія хотя постановкою бюста императора Николая I въ залѣ гальванической команды, и при немъ мраморную доску съ начертаніемъ времени открытія.

Какъ императоръ Николай Павловичъ преслѣдовалъ зло и настойчивъ былъ къ открытію истины, можно видѣть изъ слѣдующаго.

Въ 50-хъ годахъ появилась въ Петербургѣ компанія, или, какъ ее называли тогда, шайка труболетовъ, которая затягивала легкомысленную молодежь въ неоплатные долги, ссужая деньгами на огромные проценты, переписывая векселя и проч. продѣлки. Для пресѣченія зла составлена была коммиссія отъ министерства внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Во время дѣйствія этой коммиссіи пріѣхалъ въ Петербургъ съ женой, изъ юго-западнаго края, одинъ князь съ реноме богатаго человѣка, но богатство еще не перешло къ нему въ руки, а принадлежало отцу его, который далъ ему довѣренность на управленіе имѣніями и при случаѣ на продажу части ихъ. Онъ вскорѣ попалъ въ руки труболетовъ, давалъ векселя, переписывалъ и наконецъ принужденъ былъ уже продавать имѣнія. Запутавшись совершенно въ дѣлахъ своихъ, онъ наконецъ бѣжалъ за границу. Оставшаяся въ Петербургѣ жена его, очень умная женщина, знавшая во всѣхъ подробностяхъ несчастныя дѣла мужа и какими способами его опутывали, лично передала обо всемъ государю и просила его защиты. Этимъ случаемъ раскрыты были передъ государемъ какъ лица, занимавшіяся ростовщичествомъ, такъ и способы ихъ ремесла. Николай Павловичъ приказалъ, чтобы образованная коммиссія занялась дѣлами князя и чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ лично доложилъ ему о послѣдствіяхъ изслѣдованія.

Въ свое время министръ докладываетъ, что никакихъ беззаконій коммиссія не нашла. Тогда государь приказалъ, чтобы шефъ жандармовъ назначилъ отъ себя довѣренныхъ лицъ въ составъ этой коммиссіи, а по окончаніи изслѣдованій должны были доложить ему дѣло совмѣстно министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ; опять явились невинные. Тогда государь зоветъ къ себѣ бывшаго главнокомандующаго, наслѣдника цесаревича, передаетъ ему вкратцѣ неудавшееся преслѣдованіе зла, которое онъ знаетъ въ подробности, и

тутъ же назначаетъ военно-судную коммиссію подъ предсѣдательствомъ одного самаго дѣльнаго члена генералъ-аудиторіата, а цесаревичу поручаетъ назначить отъ себя, въ составъ этой коммиссіи, 6 гвардейскихъ полковниковъ, говоря, что онъ вполнѣ увѣренъ, что они не поддадутся никому соблазну, займутся дѣломъ усердно и внимательно, и что черезъ нихъ откроется ему истина. Въ тотъ самый день г. начальникъ штаба главнокомандующаго, увидѣвъ меня на балѣ въ Дворянскомъ собраніи, передалъ мнѣ всѣ эти подробности и объявилъ, что цесаревичъ назначилъ меня въ составъ коммиссіи. При этомъ военному министру дано повелѣніе, чтобы предсѣдатель военно-судной коммиссіи генералъ-отъ-инфантеріи Б. еженедѣльно присылалъ государю записку въ собственныя руки о ходѣ занятій, а по окончаніи дѣла сдѣлалъ бы ему личный докладъ при военномъ министрѣ. Въ ту же ночь у всѣхъ извѣстныхъ труболетовъ былъ произведенъ обыскъ, они отвезены въ Петропавловскую крѣпость.

Въ числѣ ихъ, престарѣлый опытный адвокатъ, хотя не дававшій денегъ въ ростъ, но руководившій дѣлами и, кромѣ того, богатый гвардейскій полковникъ, уволенный въ тотъ же день въ отставку, какъ послѣ оказалось, который скупалъ беззаконно имѣнія князя, не сознавая даже, что онъ творитъ беззаконіе, а по своей неопытности, безпечности и слѣпому довѣрію къ адвокату. Имѣя въ виду крупный для себя интересъ, онъ поддался предложеніямъ адвоката и подписывалъ, какъ надо думать, не читая. Труболеты, имѣя много лицъ. коихъ реноме пострадало бы, если бы при обыскѣ найдены были ихъ росписки, векселя, въ вечеру того дня были уже извѣщены о предстоящей имъ грозѣ, и, конечно, большая часть бумагъ и деньги были ими переданы въ близкія и надежныя руки. Арестованные были небольшаго чина: отставной чиновникъ, бывшій нѣкогда писарь военно-походной императорской канцеляріи, обладавшій сотнями тысячъ рублей, капитанъ гвардейской инвалидной команды, бывшій нѣкогда вахмистръ гвардейскаго конно-піонернаго эскадрона, тоже съ большимъ капиталомъ, помѣщикъ юго-западнаго края, получившій отъ отца въ наслѣдіе пятнадцать тысячъ рублей, а въ годъ арестованія владѣвшій уже нѣсколькими тысячами душъ; адвокатъ въ свое время жилъ роскошно, но въ послѣднее время пріупалъ, можно полагать, отъ старости, болѣзни и большихъ расходовъ на то, чтобы выпутаться изъ грозившей бѣды.

На третій день коммиссія открыла уже засѣданіе въ отведенномъ для нея домѣ, въ Петропавловской крѣпости. Предсѣдатель еженедѣльно отправлялъ въ собственныя руки государя требуемую докладную записку. Иногда она возвращалась назадъ съ собственноручною замѣткою государя, иногда съ благодарностью за то, что предвидятъ

исполненіе его желанія выяснить зло. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ нашего почти ежедневнаго сидѣнія въ крѣпости; но наступило время, политическія обстоятельства заняли весь досугъ и вниманіе императора, записки отъ предсѣдателя болѣе не требовалось, и, по окончаніи дѣла, оно съ приговоромъ было предоставлено военному министру, который передалъ его въ генералъ-аудиторіатъ, а тотъ счелъ правильнымъ передать с.-петербургскому генералъ-губернатору. Приговоръ судной коммиссіи состоялся: надъ отставнымъ полковникомъ — освободить отъ наказанія, остальные приговорены къ ссылкѣ. Подъ шумъ Восточной войны всѣ эти труболеты, какъ слышно было, отдѣлались легко, понеся наказаніе только содержаніемъ въ крѣпости. Къ этому не лишнимъ считаю дополнить нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія. Какъ я писалъ выше, наканунѣ ареста всѣ они были извѣщены о предстоящей грозѣ, и одинъ изъ нихъ по окончаніи уже дѣла сознался чистосердечно, что, собравшись въ тотъ вечеръ для совѣщанія, они сдѣлали складчину въ 50.000 рублей для поднесенія членамъ коммиссіи, но тутъ одинъ изъ нихъ образумился, сказавъ: напрасно дѣлаете, вѣдь эти господа такъ глупы, что денегъ не возьмутъ, и мы только больше запутаемся. Престарѣлый адвокатъ заболѣлъ во время суда и былъ переведенъ въ военно-сухопутный госпиталь, куда, смотря по состоянію здоровья его, мы ѣздили цѣлою коммиссіею, или же одинъ изъ членовъ привозилъ его въ экипажѣ, и тогда изъ жалости къ нему, и чтобы подкрѣпить его здоровье, передъ засѣданіемъ или послѣ, катали его по Александровскому парку. Во время производства дѣла предстало очень интересное открытіе: одинъ изъ членовъ коммиссіи, ѣхавши вечеромъ на извозчикѣ и имѣя обыкновеніе разговаривать съ нимъ, спрашивалъ: какого уѣзда, помѣщичій или государственный крестьянинъ. Извощикъ отвѣчалъ: помѣщичій. Далѣе на вопросъ, кто же владѣлецъ, извощикъ отвѣчалъ: да былъ какой-то (фамилія адвоката), а теперь такой-то (фамилія одного изъ членовъ послѣдней слѣдственной коммиссіи). На вопросъ, какъ же имѣніе перешло къ новому владѣльцу, куплено но купчей, извощикъ отвѣчалъ: нѣтъ, оно куплено не было, а было какое-то дѣло, Богъ ихъ знаетъ, и вотъ мы поступили къ новому барину. Этотъ оригинальный разговоръ, переданный намъ на другой день, очень насъ заинтересовалъ, и рѣшено было экспромптомъ спросить адвоката: какъ перешло его имѣніе въ другія руки, и не откроетъ ли онъ чистосердечно истину; но онъ былъ человѣкъ бывалый. На сдѣланный внезапно вопросъ онъ взялся за голову, разразился жалобами, что память потерялъ, и черезъ нѣсколько минутъ понесъ такую околесную, что ничего ровно нельзя было понять.

Выраженное, при началѣ дѣла, вниманіе и довѣріе императора къ

судной коммиссіи давали полную надежду, что при добросовѣстномъ и успѣшномъ выполненіи порученнаго, мы вознаграждены будемъ царскимъ „спасибо“; начавшіяся военныя тревоги потребовали болѣе вниманія и „спасибо“ за боевыя заслуги. Кромѣ спокойной совѣсти, что добросовѣстно исполнили свой долгъ, не малое удовольствіе доставилъ намъ подсудимый адвокатъ. Когда на судѣ былъ прочитанъ приговоръ, адвокатъ почувствовалъ себя дурно; спросивъ воды и отдохнувъ, онъ всталъ довольно бодро и обратился къ предсѣдателю съ просьбою дать ему слово, на чтò предсѣдатель отвѣчалъ, что всѣмъ имъ въ свое время предоставлено было говорить, оправдываться, а теперь приговоръ объявленъ и судъ закрывается. Тогда онъ вновь просилъ, докладывая, что рѣчь его будетъ посторонняя, независящая отъ этого дѣла; получивъ разрѣшеніе, онъ началъ: „ваше высокопревосходительство и гг. члены, приговоръ вашъ строгъ, но совершенно справедливъ. Я, какъ юристъ, могу засвидѣтельствовать, что дѣло велось законно, правильно и со вниманіемъ къ несчастному положенію подсудимыхъ. Съ своей стороны позвольте выразить мнѣ глубочайшую признательность за ваше вѣжливое ко мнѣ вниманіе, снисхожденіе и заботы о больномъ старикѣ. Вы были такъ добры, что давали мнѣ случай, при заключеніи моемъ, вдохнуть чистый, оживляющій меня воздухъ, бравши меня изъ госпиталя“.

Императоръ Николай Павловичъ всегда самъ распредѣлялъ прибывающихъ рекрутъ въ полки гвардіи. Во время Крымской войны, для защиты Петербурга и его окрестностей оставались резервные гвардейскіе полки и резервныя части гренадеръ и арміи. Командующій этими войсками былъ генералъ-адъютантъ Арбузовъ, а я состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабѣ этихъ войскъ. При распредѣленіи рекрутъ государемъ находились командующій войсками и дежурный штабъ-офицеръ.

Лѣтомъ 1854 г., во время пребыванія государя въ Петергофѣ, получено было приказаніе: представить въ назначенный день прибывшихъ рекрутъ, для распредѣленія въ полки гвардіи, поставивъ ихъ къ часу прибытія государя изъ Петергофа въ корридорѣ Іорданскаго подъѣзда Зимняго дворца. Къ назначенному часу прибылъ императоръ и прошелъ въ свой маленькій угольный кабинетъ, чтò въ нижнемъ этажѣ. Мы привыкли къ точности, съ которой государь выходилъ въ назначенное имъ время; но въ этотъ день прошло $^1/_2$ часа, прошелъ часъ, государя нѣтъ. Наши рекруты, вышедшіе изъ казармъ рано утромъ, начинаютъ обомлѣвать, почему позволено имъ было садиться на мѣста, гдѣ стояли. Прошелъ еще часъ, но ожиданія тщетны, чтò начало насъ безпокоить. Тогда генералъ Арбузовъ рѣшается идти къ кабинету, чтобы узнать отъ кого-нибудь о причинѣ, я тоже подошелъ

ближе. Минутъ черезъ десять вижу: старикъ Арбузовъ возвращается, какъ бы шатаясь; я приписалъ это усталости его. Онъ отводитъ меня въ сторону и говоритъ: „Боже, какое горе“,—и слезы потекли у него изъ глазъ; „какое неудовольствіе нашему царю, передаю по секрету, какъ сказалъ мнѣ князь Орловъ, котораго я нашелъ въ пріемной. По пріѣздѣ государя, Нессельроде привезъ ему депешу, полученную изъ Вѣны, въ которой Австрія предлагаетъ снять осаду Силистріи и перевести войска за Дунай; въ противномъ случаѣ ставитъ свою армію въ тылъ нашей. Государь до крайности огорченъ и взволнованъ“.

Минутъ черезъ 20, дали знать, что государь скоро выйдетъ.

Наконецъ, появился императоръ.

Лицо его поразило насъ; оно было неузнаваемо: блѣдно-зеленое, осунулось, какъ бы вытянулось, прекрасные глаза его были неподвижны, но онъ шелъ твердою поступью. Поздоровался съ рекрутами, но уже глухимъ и не звучнымъ своимъ голосомъ и, взявъ мѣлъ, началъ писать на груди рекрутъ №№ полковъ. Во все время онъ не проронилъ ни одного слова; окончивъ, удалился тою же твердою поступью въ свой кабинетъ. Бываютъ впечатлѣнія, потрясающія душу до глубины ея, которыя навѣки не изглаживаются изъ памяти. Хотя прошло полвѣка, этотъ видъ незабвеннаго нашего государя и теперь стоитъ предо мною. И въ день кончины его, мнѣ казалось, что часъ полученія злосчастной депеши былъ началомъ долгой, предсмертной его агоніи. Я часто видѣлъ его послѣ того и всегда съ выраженіемъ глубокаго душевнаго страданія.

Вотъ мои воспоминанія о днѣ его кончины: въ войскахъ и въ городѣ не было никакихъ слуховъ о тяжелой болѣзни государя. Я жилъ въ офицерскомъ домѣ л.-гв. Семеновскаго полка, а штабъ расположенъ былъ вблизи, въ казармѣ. 18-го февраля 1855 года, рано утромъ, пріѣхалъ ко мнѣ адъютантъ генерала Арбузова и передалъ отъ него, что ночью онъ вызванъ былъ въ Зимній дворецъ чрезъ фельдъегеря князя Орлова, куда немедленно поѣхалъ, взявъ съ собою близъ живущаго адъютанта. Близъ кабинета государя онъ нашелъ графа Адлерберга и князя Орлова въ страшно удрученномъ состояніи. Князь Орловъ передалъ ему, что государь въ безнадежномъ состояніи. Въ то же время былъ приглашенъ и графъ Блудовъ для написанія уже манифеста о вступленіи на престолъ наслѣдника цесаревича. Генералъ Арбузовъ приказалъ, чтобы я передалъ приказаніе его во всѣ части войскъ: служить молебны о здравіи государя и прислать адъютантовъ въ Зимній дворецъ. Разославъ всѣхъ конныхъ и пѣшихъ вѣстовыхъ и писарей на извозчикахъ, я возвращался домой изъ штаба, какъ догналъ меня адъютантъ л.-гв. Семеновскаго полка и доложилъ, что государь скончался, что приказано служить въ войскахъ панихиды

и что императоръ Александръ Николаевичъ приказалъ прибыть всѣмъ начальникамъ частей, къ 2 часамъ дня, въ Зимній дворецъ, на его половину.

Семеновскій полкъ, отслуживъ молебенъ о здравіи, вышелъ изъ церкви и вновь возвратился въ нее для служенія панихиды. Общее впечатлѣніе было невыразимо тяжелое. Надо припомнить, что это было въ самый разгаръ Севастопольскаго побоища.

Въ назначенный часъ, въ числѣ другихъ и я стоялъ въ пріемной новаго государя. Онъ вышелъ со слезами на глазахъ, держа въ рукѣ листъ бумаги, и угнетеннымъ голосомъ произнесъ: „Господа, мы лишились отца, благодѣтеля нашего; увѣренъ, что вы раздѣляете вполнѣ мою скорбь и скорбь всей Россіи. Вотъ его духовное завѣщаніе, которое я прочту вамъ“. Стоя на правомъ флангѣ, я видѣлъ тоже писанное на листѣ бумаги, ибо государь повернулся къ окну. Его величество, между прочимъ, сколько помню, читалъ: „благодарю мою гвардію, спасшую Россію 14-го декабря, благодарю вѣрную и преданную мнѣ армію. Я любилъ всѣхъ васъ всей душою. Я старался улучшить положеніе ваше и, если чего не достигъ и не сдѣлалъ, то только потому, что или не могъ, или не успѣлъ“. Послѣ этого генералъ Арбузовъ спросилъ государя, когда прикажетъ приводить войска къ присягѣ. Получилъ отвѣтъ: „это зависитъ отъ васъ; сегодня или завтра“. Войска были приведены къ присягѣ на другой день, а мы всѣ собравшіеся отправились въ большую церковь Зимняго дворца, гдѣ находился священникъ и привелъ насъ къ присягѣ. Дня черезъ два или три приказано было собраться въ Зимній дворецъ всѣмъ офицерамъ гвардіи. Государь обратился съ тѣми же словами, какъ и къ начальникамъ частей, прибавивъ: „Увѣренъ, что вы будете служить съ тѣмъ же усердіемъ, какъ служили моему отцу; вы—моя гвардія и всегда будете близки мнѣ. Положеніе тяжелое, но Богъ милостивъ. Я твердо уповаю, что Онъ поможетъ намъ перейти къ лучшему“. Такая твердая надежда на Бога насъ всѣхъ ободрила.